

Donald Meltzer

The CLAUSTRUM:
an INVESTIGATION
of CLAUSTROPHOBIC
PHENOMENA

KARNAC

Дональд Мельтцер

CLAUSTRUM:
ИССЛЕДОВАНИЕ
ФЕНОМЕНА
КЛАУСТРОФОБИИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
Г|О|Р|О|Д|Е|Ц|

Москва

УДК 159.9
ББК 88.5
М48

Перевод с английского А. Демидовой

© Donald Meltzer, The Roland Harris Educational Trust 1992 –
This revised edition © Harris Meltzer Trust 2008 Published
in by Karnac Books Ltd, represented by Cathy Miller
Foreign Rights Agency, London, England

Мельцер Д.

М48 Claustrium: исследование феномена клаустрофобии. – М.:
ИД «Городец», 2017. – 184 с.

В предлагаемой читателю работе известного англо-американского психолога-аналитика представлен юнгианский подход к терапии клаустрофобии. Феномен заболевания описывается автором в русле аналитической школы М. Кляйн, т.е. с позиций проективной идентификации. Занимаясь данной проблемой в течение ряда лет, автор достиг значимых успехов в преодолении проявлений клаустрофобии в работе с клиентами, ей подверженными.

Книга предназначена для практикующих психологов и психотерапевтов, а также для более широкой читательской аудитории, интересующейся глубинной природой психологической организации сознания.

© Karnac Books Ltd, 2008
© Демидова А., перевод, 2017
© ИД «Городец», 2017

ISBN 978-5-906815-91-0

ЧАСТЬ I

ВВЕДЕНИЕ

Вместе с этими тлетворными экскрементами, исключенными из ненависти, отщепленные части Эго также проецируются на мать, или, как я предпочла бы сказать, *в* мать. Предназначение этих экскрементов и плохих частей Я не только в повреждении, но также в контроле и овладении объектом. Так как мать предназначена для контейнирования плохих частей Я, она воспринимается не как отдельный индивид, а как плохое Я.

(«Notes on Some Schizoid Mechanisms»)

Развитие психоанализа неумолимо двигалось от упрощенных пояснительных гипотез и оптимистических целей к лечению душевных недугов, к состоянию растерянных описаний психических феноменов. В трепетной надежде принести больше пользы, чем вреда, оба понятия — шизоидный и механизм — были изъяты нами из использования в отношении понятий «процесс расщепления» и «проективная идентификация». Прежде всего, ни одно из них не граничит с тем, что Мелани Кляйн назвала «параноидно-шизоидной позицией», и находится на другом уровне абстракции в словаре психоанализа. Процессы расщепления — способ описания того, что должно произойти, с учетом колебаний интеграции Я и объектов. Проективная идентификация, с другой стороны, это название всемогущественной реализуемой фантазии, влияющей на взаимоотношения между частями Я и объектами во внешнем и внутреннем мире.

Эта книга — попытка совместить мой клинический опыт относительно проявлений проективной идентификации, выявленных в ходе консультаций и, исходя из него, экстраполировать взгляд на этот психический феномен, как на особо значимый в развитии

индивида и в эволюции социума, формируемого в некоторой степени каждым из нас. Прошло уже более сорока лет с тех пор, как скромно представленная книга Мелани Кляйн провела водораздел между ее ранним развитием модели сознания Фрейда и Абрахама и поздними Кляйнианскими и Посткляйнианскими идеями. Очевидно, ее следование Фрейду, смело демонтирующее концепцию единства сознания, сыграло важную роль; но прогресс в последние десятилетия характеризовался, кроме всего прочего, исследованием в обширной области феноменологии проективной идентификации. До теории мышления и групп Биона, медленно проникающей в текущую клиническую работу в ранние 1970-е, озабоченность феноменом проективной идентификации, начавшаяся с моей книги об анальной мастурбации, была исключительно моим главным исследовательским интересом. Я упоминаю эту книгу, так как она отмечает мой пробудившийся интерес к проявлениям проективных процессов не только с внешними объектами, но также и с внутренними.

Для начала было бы полезным указать масштаб этой маленькой книги. Это не исследование работы в направлении психоанализа, которое концентрируется на концепции проективной идентификации. Это попытка проследить влияние этой концепции в моей клинической практике за последние пятнадцать лет. Ее акцент, после пересмотра книг и статей до 1988 года (*«The Apprehension of Beauty»*, Мэг Харрис Уильямс), сделан на результаты исследования клаустрофобических, проективных аспектов двойственной феноменологии проективной идентификации. В целом, вклад многих людей в свидетельства проявления этого аспекта нарциссизма был посвящен феномену идентификации, грандиозности, психотическим депрессивным состояниям, ипохондрии, состояниям спутанности сознания. С другой стороны, исследования перверзий и зависимостей акцентируют внимание на аспекте нарциссической организации, проистекающем из процессов расщепления. Аналогично, очерченная Бионом рабочая группа и группа базовых допущений была позже усилена структурным различием между адаптивным панцирем, или экзоскелетом личности, и его ядром, или эндоскелетом — областью эмоциональных взаимоотношений, где значение формируется в психической реальности. Но переплетение

ментальности группы базовых допущений со структурной основой нарциссической организации не было изложено до «*A Memoir of the Future*». Разработка концепции «Клаустрофобии» также предполагает дать более прочное представление об этой связи.

В моем собственном понимании данных вопросов я сделал два шага, явившихся как откровение, клиническое открытие: проективная идентификация с внутренними объектами как следствие мастурбации с навязчивыми неосознанными фантазиями (1975), и признание ментально отсеченных сторон внутренней фигуры матери, впервые описанное в *Explorations in Autism* и позже уточненное в *Dream life* и *Extended Metapsychology* (1984).

Глава 1

ВЗГЛЯДЫ МЕЛАНИ КЛЯЙН НА ПРОЕКТИВНУЮ ИДЕНТИФИКАЦИЮ

Хотя ранние работы Мелани Кляйн наложили отпечаток акцентирования на конкретику психической реальности и, таким образом, на интернализированные объекты (структурные элементы Суперэго) и утверждали, что механизмы защиты реализуются через неосознанные фантазии, до книги о шизоидных механизмах в 1946 году не было ясно, что Мелани Кляйн вступила на тропу, четко разграничивающую ее работы от фрейдовских, следуя направлению, уже заданному работой Абрахама *Short Study of the Libido*. Несмотря на то что она никогда не отрицала различий между инстинктами Жизни и Смерти, ее методы описания клинических феноменов все более и более уходили от различения между Эго и Ид в пользу описания Я. Это стало предвестником описания процессов расщепления, при которых части Я охватывали не только стороны Ид, но также и стороны внутренних объектов (*Narrative* записи к 24 сессии).

Акцент в *Notes on Some Schizoid Mechanisms*, как следует из заголовка, сделан на определении характеристик механизма параноидно-шизоидной позиции, следовательно, на первую часть первого года жизни и, соответственно, по ее мнению, на источники точек фиксации психозов: шизофрении, паранойи и маниакально-депрессивных состояний. «Страхи преследования, вырастающие из инфантильных орально-садистических импульсов присвоения тела матери в части ее хороших частей и из анально-садистических импульсов внедрения своих экскрементов в нее (включая желание

войти в ее тело для контроля его изнутри), играют большую роль в развитии паранойи и шизофрении» (с. 293, *Works III*).

Необходимо помнить, что в это время Мелани Кляйн рассматривала процессы расщепления как пассивные. «Кажется, в связи с недостатком целостности, находящейся под давлением этой опасности» (например, страха быть разрушенным изнутри) «Эго стремится разбиться на кусочки» (с. 296). Активное расщепление рассматривалось, вероятно, как дальнейшее развитие. Также важным было мнение Кляйн, что Я и объекты разделяются, распадаются на фрагменты или активно расщепляются в одно и то же время. «Я уверена, что Эго не способно к расщеплению объекта — внутреннего или внешнего — без согласованного расщепления внутри самого Эго» (с. 298). Похоже, она не рассматривала обратную ситуацию: может ли Эго расщепляться, не расщепляя при этом объекты? В описаниях «Эго» и «Я» она постепенно отдала предпочтение «расщеплению Я», пока шла к объяснению своего взгляда на значимость этих понятий для нарциссизма. «Поскольку мать предназначена для контейнирования плохих частей Я, она воспринимается не как отдельный индивид, а как плохое Я» (с. 300). Поворот от «Превратностей инстинктов» к «Структуре» в идеях о нарциссизме, впоследствии названному Розенфельдом «Нарциссическая организация», с этого времени характеризует работы Мелани Кляйн. Подобное нарциссическое последствие рассматривалось как результат расщепления и «чрезмерного» проецирования хороших частей в Я: «хорошие фрагменты личности ощущаются как потерянные, и в этом случае мать становится Эго-идеалом» (различие, которое я не могу припомнить в ее поздних изданиях; возможно, она имела в виду раннее фрейдовское «идеальное Эго»). Это было первое описание Нарциссической Идентификации. Вызывает недоумение, что подразумевалось под количественным термином «чрезмерно». Повсеместно он, в основном, воспринимается как агрессивный, хотя и не обязательно деструктивный. Однако в то же время вопрос структуры целиком смущает тем, что Мелани Кляйн охватывает идею Паолы Хайнман о «неспособности Эго ассимилировать внутренние объекты».

Взгляды Мелани Кляйн на проективную идентификацию в *Notes*, слегка уточненные в работе *On Identification* (1955)

выводом, что фантазия оперирует исключительно внешними объектами, кажутся немного двусмысленными из-за неопределенности, происходили ли события последних трех дней жизни Фабиана в реальности или в фантазиях его терминального бреда на фоне болезни сердца. На самом деле, очень мало сказано об этом феномене (только одно небольшое упоминание в *Envy and Gratitude*, 1957) до заметок в *Narrative* (опубликованных после ее смерти). Клинические проявления только намекали на него; клаустрофобия видна только по чувству заточения внутри личности, характерному для объекта проективной идентификации, хотя значимость шизоидных механизмов в психозах описывается, в основном, с точки зрения интеграции-деинтеграции и регрессии к параноидно-шизоидной позиции.

Даже записи к *Narrative* дают скудную информацию для накапливания клинического понимания этой концепции. Несомненно, к поздним пятидесятым, когда она писала *Narrative*, ее видение проективной идентификации как психотического механизма изменилось:

В тот же час Ричард изобразил его жадно поглощающую мать, меня, по сути, кого угодно, как империю морских звезд. Теперь проявилась красная граница, заявляющая о процессе проективной идентификации. Его жадная часть — морская звезда — вторглась в мать, и проявились тревога, чувство вины и сочувствие к материнскому страданию, вызванному как его вторжением, так и разрушением и контролем ее изнутри со стороны плохого отца. По моему мнению, процессы интернализации и проективной идентификации комплиментарны и действуют с самого рождения; они витально определяют объектные отношения. Мать может чувствовать себя поглощенной со всеми своими интернализированными объектами; субъект, вторгшийся в другую личность, может чувствовать себя взявшим и ее объекты (и ее отношения с ними). Дальнейшее исследование чередований интернализированных объектных отношений, которые с каждым шагом переплетаются с проективными процессами, может пролить свет на развитие личности и объектных отношений (*Narrative*, с. 115, *Works IV*).

Понятие «комплиментарный» было освещено в более поздних записях: « — уменьшение вреда от проективной идентификации — подразумевает убывание силы параноидных и шизоидных механизмов и защит, и большую способность работать из депрессивной позиции» (с. 250, Записи к 51-й сессии) и «Это (т. е. рисунок 49, императорский орел с его пальто, нарисованным поверх, показывает только свое лицо, которое демонстрировал Ричард) пример проективной идентификации, который быстро следует и, возможно, одновременно с интернализацией» (с. 279, Записи к 56-й сессии).

Утверждение, что проективная идентификация и интернализация «комплиментарны», одна «быстро следует» за другой, возможно, они даже «одновременны», находится на пути к признанию вторжения внутренних, уже интернализированных, объектов, но не совсем достигает цели. Далее проясняется, когда процесс проективной идентификации связан с мастурбацией: « — страхи относительно внутренней стороны материнского тела, в частности, борьба с пенисом отца внутри матери и ее вагины, — связанные с мастурбацией, проявляются как результат анализа интенсивного внутреннего преследования» (с. 165, записи к 34-й сессии). Однако анализ был проведен в 1940 году, и клиническая работа не отражает полностью сформированную концепцию проективной идентификации. Также, в своих записях, Мелани Кляйн неохотно переформулирует материал в соответствии с более поздними взглядами. Но вполне очевидно, что манифестации клаустрофобических страхов, связанные с игровой комнатой или когда он приходит на несколько сессий к ней домой, не рассматривались как свидетельства действия проективной идентификации.

С другой стороны, записи к *Narrative* расширяют и уточняют взгляды Мелани Кляйн относительно влияния проективной идентификации хороших частей Я на развитие личности и на объектные отношения:

Я бы предположила, что безопасно размещенный хороший объект, подразумевающий безопасно размещенную любовь к нему, дает Эго чувство наполнения и изобилия, которое позволяет изливаться либидо и проекциям хороших частей Я во внешний мир без ощущения нарастающей опустошенности.

Далее Эго может чувствовать, что оно способно реинтроецировать любовь, выданную вовне, так же, как пополнять блага из других источников, и таким образом, быть наполненным в течение всего процесса (*On Identification*, с. 144, *Works III*).

Этот доброкачественный цикл проективной идентификации и реинтроекции, казалось бы, должен быть связан, по ее мнению, с объединенными частями объекта груди и отцовского пениса, «потерявшего в силе» (записи к 85-й сессии), и «великой веры в добродетель объединенных родителей» (записи к 91-й сессии). Не понятно, чувствует ли она, что это улучшение произошло вследствие изъятия спроецированных плохих частей, или благодаря очищению зависти через хороший опыт, или посредством четкого расщепления и идеализации Я и объектов. Клиническая работа предлагает все три варианта.

Наконец, Мелани Кляйн высказывает некоторые взгляды о путях, посредством которых чрезмерное расщепление и проективная идентификация ведут к беспорядочному интроецированию и недостатку интеграции Я: «Беспорядочное интроецирование различных фигур, по моему мнению, комплиментарно силе проективной идентификации, которая ведет к ощущению распространения частей Я, — чувству, в свою очередь, усиливающему подобное беспорядочное интроецирование» (записи к 79-й сессии). Клинический материал предполагает, что она имела в виду процесс группового участия и, следовательно, феномен отторчества.

В записях к *Narrative* Мелани Кляйн неохотно проводит связь теоретических открытий с категориями психопатологии, выявленной у взрослых пациентов. Однако есть маркеры, указывающие, что она рассматривала проективную идентификацию, как имеющую значение в формировании мужской гомосексуальности, промискуитета и параноидальной ревности. Еще при ее жизни другие исследователи внесли большой вклад в разработку клинических выводов относительно участия проективной идентификации в депрессивных и маниакальных состояниях, ипохондрии, состояниях спутанности сознания и заболеваний шизофренического спектра (Сегал, Розенфельд, Бион и др.). Роль проективной идентификации в процессах коммуникации стала центральной темой на долгие годы вперед, в частности, в работах Биона, Бетти Джозеф,

Мани-Керл и других. Все эти работы справедливо относятся к материалам, дополняющим кляйнианскую модель сознания. Материал последующих глав моей книги, вероятно, может рассматриваться как часть посткляйнианской модели, поскольку видится выходящим далеко за пределы смысла, вложенного Мелани Кляйн в свои формулировки и использование концепции проективной идентификации, и возможно, окажется также вне того, с чем она могла бы согласиться.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1	5
Введение	5
<i>Глава 1.</i> Взгляды Мелани Кляйн на проективную идентификацию..	8
<i>Глава 2.</i> Обзор ранних публикаций.....	14
Часть 2	57
<i>Глава 3.</i> Географическое (физическое) измерение психического аппарата	57
<i>Глава 4.</i> Отсеки внутренней матери	61
<i>Глава 5.</i> Жизнь «взаперти»	68
<i>Глава 6.</i> Технические проблемы заточения	96
Часть 3	108
<i>Глава 7.</i> Выход из заточения VS Поворот сознания	108
<i>Глава 8.</i> Роль заточения в возникновении шизофрении.....	113
<i>Глава 9.</i> Вездесущность проективной идентификации	124
<i>Глава 10.</i> Симптоматика VS Характерология — психоаналитический процесс.....	133
<i>Глава 11.</i> Заточение и отрочество	140
<i>Глава 12.</i> Заточение и перверзии/аддикции	145
<i>Глава 13.</i> Заточение и политика.....	149
Приложение. <i>М. Х. Уильямс.</i> Двусмысленность Макбета, Неоднозначность Шекспира	155